

Мурзанев Александр,
студент 5 курса Ставропольской Духовной Семинарии

Триадология преподобного Иоанна Дамаскина.

Догмат о Святой Троице является одной из центральных тем в богословском творчестве преподобного Иоанна Дамаскина [2, с. 41]. Наряду с «Точным изложением православной веры», у преподобного есть менее известное небольшое сочинение, специально посвященное этой теме, под заглавием «О Святой Троице» («Περὶ τῆς Ἁγίας Τριάδος») [5, с. 200]. Важнейшие вопросы православной триадологии и христологии раскрываются в нем в форме диалога.

То, что святой Иоанн Дамаскин нес монашеский подвиг в окрестностях Иерусалима и даже мог быть проповедником в церкви Воскресения [2, с. 28], наложило определенный отпечаток на характер его троичного богословия. Палестинское монашество со времен Халкидона и до VI Вселенского Собора играло особую роль в сохранении, систематизации и защите православного вероучения. Для Иоанна Дамаскина пробным камнем истинной веры была ее укорененность в святоотеческом наследии, любое нововведение для него равнозначно ереси. В «Точном изложении православной веры» он предстает прежде всего монашеским писателем, осмысляющим труды богословов предшествующих веков, и излагающим догматическое наследие Святых Отцов в удобной и привычной для монахов форме сотниц. Раскрывая догмат о Святой Троице, подвижник постоянно обращается в вопросам христологии, актуальность которых еще не утихла с предшествующей эпохи. Вместе с тем, основой для изложения троичного догмата в «Точном изложении православной веры» является учение великих каппадокийцев и, в частности, «Большое огласительное слово» святителя Григория Нисского [2, с. 43]. Кроме того, большое влияние на его богословскую систему оказали «Ареопагитики».

Особый интерес триадологии преподобного Иоанна Дамаскина придают его взаимоотношения с исламом. Святой родился и вырос в столице

исламского государства – Омейядского халифата. Он был первым христианским богословом, писавшим об исламе. Более того, ему принадлежит самое раннее описание этой религии – более раннее, чем у самих мусульманских писателей, если не считать традиции, представленной в Коране [2, с. 56]. Характерно, что ислам завершает произведение Дамаскина «О ста ересях» и наделяется у него апокалиптическими чертами: «религия измаилитов, предтеча антихриста» [3, с. 150]. В том же произведении можно увидеть следы полемики с мусульманами о троичности Божества: «Они называют нас этериастами (товарищниками), потому что мы, по их словам, вводим Богу сотоварища, говоря, что Христос есть Сын Божий и Бог» [3, с. 152]. Можно говорить о том, что исламский вызов сформировал новый контекст в раскрытии христианского троичного богословия преподобным Иоанном.

«Точное изложение православной веры» святой Иоанн Дамаскин начинает со слов: «Бога не видел никто никогда...» (Ин. 1, 18), - и поясняет, что «Божество неизреченно и непостижимо» [3, с. 157]. Однако Бог знает Сам Себя и открывает нам через Сына и Духа. Преподобный Иоанн различает 2 сферы богословия: собственно «богословие» (θεολογία) и «домостроительство» (οικονομία). Θεολογία у него предполагает знание о Боге Самом по Себе, проникновение в тайну Божественного бытия [2, с. 43]. Как раз-таки ее предметом и является Тайна Святой Троицы.

Приступая к троичному догмату, Дамаскин вслед за святителем Григорием Нисским начинает с утверждения единства Бога (имея ввиду Отца), а затем переходит к рассуждению о Сыне и Духе: «И вот этот один и единственный Бог не бессловесен (ἄλογος)» [3, с. 163], «у Слова же должен быть и Дух – ведь и наше слово не лишено дыхания» [3, с. 164]. В этих рассуждениях узнается полемика с мусульманами из другой сотницы – о ересях, где святой писал: «Бог, по-вашему, бессловесен и бездушен» [3, с. 152].

В учении о единстве сущности и различии Ипостасей Святой Троицы преподобный Иоанн Дамаскин в целом следует терминологии, восходящей к каппадокийцам: «Сущность есть общее, а ипостась - частное» [3, с. 243]. Ипостаси различаются их особыми ипостасными свойствами: «одними только этими ипостасными свойствами (ἰποστατικά ἰδιότητες) различаются между Собою три святые ипостаси, нераздельно различающиеся не сущностью, а отличительным свойством собственной ипостаси» [3, с. 171]. Трактат «О Святой Троице» у него начинается словами: «О Святой Троице, Единосущной и Животворящей, единая природа исповедуется, одно воление, одно действие, одна сила и одна власть, потому что единое Божество есть в трех Ипостасях, или трех Лицах, так, что Каждому Лицу сохраняются его особенные свойства (τῆς ἰδιότητος)» [1, перев. авт.]. Благодаря свойствам нерожденности, рождения и исхождения «Отец – это Отец, а не Сын. Сын – это Сын, но не Отец. Дух Святой есть Дух, а не Отец, и не Сын», «особенные свойства перенесены быть не могут (ἢ γὰρ ἰδιότης ἀκίνητος)» [1, перев. авт.], - подчеркивает подвижник.

То, как мыслил Дамаскин отношения Лиц Святой Троицы и, в частности, исхождение Святого Духа – предмет отдельного исследования. Отметим лишь то, что он не разделял учения *filioque* и следовал восточной традиции «единоначалия Отца»: «Дух Святой... – Дух также и Сына, не как от Него исходящий, но как исходящий от Отца через Него. Ибо один только Отец – Виновник» [3, с. 180]. Формулировками «от Отца исходящий и в Сыне почивающий», «от Отца через Сына исходящий» преподобный Иоанн лишь подчеркивал тесную связь Святого Духа не только с Отцом, но и с Сыном.

По его мысли, божественное единство имеет совершенно особый характер. Ему нет аналогов в тварном мире, который разбит на атомы и индивиды. Единство и общность одного человека с другим воспринимается только мысленно, совсем иначе – в Святой Троице: «Там общность и единство усматриваются на самом деле, из-за совечности и тождества Их

сущности, действия и воли, и единодушия мнения, и тождества власти, силы, и благодати – я не сказал: подобия, но: тождества, - а также из-за единого происхождения движения. Ибо одна сущность, одна благодать, одна сила, одно желание, одно действие, одна власть, одна и та же, не три, подобные друг другу, но одно и то же движение трех Лиц. «Ибо каждое из Них не в меньшей степени имеет единство с другим, чем Само с Собой»; то есть Отец, Сын и Святой Дух суть во всем одно (κατὰ πάντα ἕν), кроме нерожденности, рождения и исхождения; раздельность же – в примышлении (ἐπινοίᾳ)» [3, с. 172-173]. Преподобный так настойчиво подчеркивает здесь идею тождества, что еще протоиерей Георгий Флоровский заметил: в богословии Дамаскина «Ипостаси Единого Бога не только подобны, но именно тождественны по существу. Божеское единство не слагается из ипостасей, но есть в трех ипостасях, есть в Трех и есть Три» [6, с. 233]. Только в таком контексте можно понять особенности его богословской терминологии: «Ипостась же пятиаспектна: ипостась, и Лицо, и знак, и особенность, и атом (πενταχῶς δὲ ἡ ὑπόστασις: ὑπόστασις, καὶ πρόσωπον, καὶ χαρακτήρ, καὶ ἴδιον, καὶ ἄτομον)» [1, перев. авт.]. Если тварные ипостаси атомарны, то Божественные Ипостаси являются «атомами» только для нашей мысли.

В связи с этим особый интерес представляет учение преподобного Иоанна Дамаскина о «взаимопроникновении» (περιχώρησις) Лиц Святой Троицы. Исходной точкой для этой идеи является цитата из Евангелия от Иоанна: «Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14, 10). Поясняя ее, преподобный говорит: «Ипостаси суть друг в друге, не так, что сливаются, но тесно соединяются (ἔχουσαι)» [3, с. 173]. Это неслиянное соединение Божественных Ипостасей подвижник и обозначает термином «περιχώρησις»: «Они соединяются, как мы говорили, не так, чтобы слиться, но так, что тесно примыкают (ἔχουσαι) и имеют взаимное проникновение (περιχώρησις) без всякого слияния и смешения (συναλοικῆς καὶ συμφύσεως)» [3, с. 173]. Слияние и смешение в богословской системе преподобного Иоанна Дамаскина противостоят единению и взаимопроникновению: «Смешение

производит изменение, порчу, как бывает при смешении вина с водою. Единство же дает такое сопряжение, в котором ни один не уменьшается, и не портится, но пребывает, каков есть» [1, перев. авт.]. Эти понятия он описывает с помощью терминов συναλοιφή и σύγχυσις, что сам же поясняет в завершающей части диалога «О Святой Троице»: «Что есть слияние? (Τί ἐστὶ συναλοιφή;) – Смешение (Ἡ σύγχυσις)» [1, перев. авт.]. Единство Лиц Святой Троицы, как и единство двух природ во Христе, - неслиянное (ἕνωσιν ἀσύγχυτον) [1, перев. авт.].

Божество просто и неделимо. «Божественная природа дается или приемлет?», - спрашивает Иоанн Дамаскин в трактате «О Святой Троице». И отвечает: «Дается» [1, перев. авт.]. По его мысли, «Единое Божество не только не составляется из ипостасей, но и не распределяется по ипостасям, так что во всех и в каждой из них равно и тождественно содержится вся полнота Божественного естества... Единосущие означает именно это конкретное тождество сущности, - не отвлеченную общность, но единичность» [6, с. 233]. Повторяя «Ареопагитики», преподобный пишет, что свойства Божественной природы – «пребывание и утверждение Ипостасей одной в другой – ибо Они неразлучны и не покидают друг друга», «имея, - добавляет он далее от себя, - взаимное проникновение неслиянно (ἀσύγχυτον τὴν ἐν ἀλλήλαις περιχώρησιν)... Ибо Сын есть в Отце и Духе; и Дух в Отце и Сыне; и Отец – в Сыне и Духе, причем не происходит никакого стирания, или смешения, или слияния. И единство и тождество движения – ибо у трех ипостасей одно устремление и одно движение, чего невозможно усмотреть в сотворенной природе» [3, с. 184].

Таким образом, учение преподобного Иоанна Дамаскина о взаимопроникновении Божественных Ипостасей служит совершенным выражением уникального единства Бога Троицы: «Отец – совершенный Бог, Сын - совершенный Бог, Дух Святой – Бог... но Три - единый Бог... Это совершенно необычно и подобает только Богу» [4, с. 10].

1. Thesaurus Linguae Graecae (TLG). Iohannes Damascenus - De sancta trinitate.
2. Иоанн Дамаскин // Православная Энциклопедия. Т.24.
3. *Иоанн Дамаскин, прп.* Источник знания. М., 2002.
4. *Иоанн Дамаскин, прп.* Трактат о правомыслии // Богословские труды. Вып. 42.
5. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Историческое учение об Отцах Церкви. Киев, 2007.
6. *Флоровский Г. В., прот.* Византийские Отцы V-VIII вв. Париж, 1933.